

Историософия и геополитика: Валерий Брюсов о Востоке

Как при жизни, так и через семь десятилетий после смерти Валерий Брюсов известен читателям почти исключительно как литератор — поэт, прозаик, переводчик, критик. Литература была, безусловно, главным, но не единственным делом его жизни. С явным опозданием мы открываем для себя Брюсова-историка, создателя оригинальной культурно-исторической концепции, Брюсова-эзотерика, полностью опровергающего легенду о его атеизме и материализме, и, наконец, Брюсова-геополитика, чьи идеи и искания соответствовали передовому уровню европейской мысли его времени. В настоящей работе рассматривается только один, но особенно важный аспект его историософских и геополитических воззрений.

Интеллектуальный путь Брюсова был не менее сложен, чем литературный, и во многом определял последний. Воспитанный во взглядах вульгарного материализма и позитивизма «шестидесятых годов», он в зрелые годы далеко ушел от крайностей своей юности, а увлечение оккультизмом, казалось бы, соответствовало преклонению перед Дарвином или Писаревым. Кое-что Брюсов, конечно, сохранил на всю жизнь, что стало своего рода фоном его духовного и личностного развития, скорее, даже не фоном, а фундаментом, «нулевым циклом». Это рационализм, присущий ему и в великом, и в малом; прагматизм, сказавшийся более в воззрениях на историю, чем в житейских коллизиях; вера в науку и силу научного знания — при том, что «тайное знание» оккультизма не отделялось от традиционных научных дисциплин. Путь Брюсова при кажущейся противоречивости был удивительно цельным и не знал крутых переломов и метаний. Ни от чего не отказываясь, а только жадно впитывая все новое, жил и творил не только Брюсов-поэт, но и Брюсов-философ, Брюсов-геополитик.

Юношеский радикализм и гимназическое республиканство через несколько лет вспоминались уже только с улыбкой. Столь же быстро он прошел и неизбежный искус крикливо-эпатажного декаденства. Пылко восклицавший «Родину я ненавижу», Брюсов всерьез обращается к политическим проблемам современной ему России. Причин было несколько. Одна из них — университетские занятия историей, порой тяготившие и отнимавшие время у стихов, но тем не менее давшие ему очень много и в духовном, и в профессиональном плане (Брюсов учился у В. Ключевского, В. Герье, П. Виноградова и других виднейших историков своего времени). Другая — детская любовь к географии, к карте, к воображаемым путешествиям и описаниям подвигов землепроходцев, и завоевателей. Это логически сообщило его мировоззрению геополитический масштаб. А как проповедник индивидуализма и духовного аристократизма он решительно отверг евро-

Молодяков В. Э. — научный сотрудник Международного института геополитики (Москва)

пейский либерально-демократический идеал и призывал превратить в руины «парламентские палаты». Как в поэзии, так и в политике Брюсову, наряду с рационалистическим, всегда будет исключительно важен эстетический аспект. Правда и Красота, Неправда и Безобразие становятся для него синонимами. Клеймя ненавистный ему уклад жизни, он называет его в «Кинжале» (1903) «позорно-мелочным, неправым, некрасивым», логически соединяя эти эпитеты. На рубеже столетий его поэзия полна славословий «любимцам веков», что в условиях России неизбежно приводило к так называемым «монархизму» и «национализму». Но применительно к Брюсову эти понятия нуждаются в существенной корректировке.

Прославление им русской истории, русской армии, русской славы.— не прославление национальной исключительности русских и унижение всех других народов. Брюсов четко разделял патриотизм и ксенофобию, хотя и допускал крайне резкие антияпонские и антитурецкие высказывания, поводом для которых, впрочем, опять же была не национальная принадлежность, а их отношение к России, русскому государству. Брюсов видел прежде всего Империю как геополитическое единство и защищал ее интересы. Типичный «империалист» евразийского типа, он категорически предпочитал «единство почвы» «единству крови» и уже поэтому, в принципе, не мог быть националистом. Его отношение к проблеме России и Востока служит тому убедительным примером.

Что же касается «монархизма», то Брюсов тяготел к монархии как традиционной и наиболее естественной для России форме правления, но отнюдь не абсолютизировал ее. Глобальные интересы империи представлялись ему гораздо более значительными, нежели вопрос о монархии или республике. Индивидуалист-разрушитель органически сочетался в нем с традиционалистом, а на бытовом уровне сказались и дружба с П. Бартевым, монархистом, славянофилом и другом славянофилов. Таким мы видим Брюсова в 1899 году, когда им сделано признание, определившее его дальнейшую деятельность, что можно считать подлинным началом его геополитической мысли.

Во время англо-бурской войны он писал Марку Криницкому (М. Самыгину), одному из ближайших друзей и доверенных корреспондентов: «Война Англии с бурами — событие первостепенной исторической важности и для нас, для России, величайшего значения. Только, конечно, наши политики медлят и колеблются, и забывают, что рано или поздно нам все равно предстоит с ней великая борьба на Востоке, борьба не только двух государств, но и двух начал, все тех же, борющихся уже много веков. Мне до мучительности ясны события будущих столетий»¹. Тогда же он почти дословно повторил эти слова в письме другому близкому другу В. Станюковичу², что свидетельствует об их исключительной важности для самого писавшего. Впервые этот текст появился в печати в 1933 году, однако до сих пор не был ни разу прокомментирован по существу.

За борьбой двух государств (т. е. извечных исторических и геополитических соперников — России и Англии) Брюсов прозревает принципиально большее, хотя и не дает названий противоборствующим началам. Я воспользуюсь в качестве рабочей терминологии понятиями «атлантизм» и «евразийство» из работы А. Дугина «Великая война континентов», где в полной мере раскрыто их содержание и обосновано как эзотерическое, так и конкретно-историческое применение. Брюсов четко осознавал противостояние атлантистской Англии и евразийской России, что однозначно свидетельствует о его определенной и осознанной геополитической ориентации. Полностью подтвердился и политический прогноз — через четыре с половиной года Россия на Дальнем Востоке вступила в неизбежную войну с Японией, за спиной которой стояла Англия. Но точка отсчета — это письмо.

¹ Литературное наследство. Т. 98, кн. 1. М., 1991, с. 400.

² Литературное наследство. Т. 85. М., 1976, с. 748.

Говоря о специфике Брюсовского понимания Востока, необходимо выделить два географических и политических центра проблемы. Первый — Дальний Восток и Япония, соперник России на Тихом океане и в Китае. Второй — Турция, исламская угроза христианскому миру, который Брюсов вслед за Вл. Соловьевым считал единственно «своим». Евразийская ориентация Брюсова знала колебания и отступления, но в целом он оставался верен ей до конца. Четверть века он непрестанно обращал взор к Востоку, но для удобства восприятия я позволю себе рассмотреть проблему в сюжетно-географическом, а не в хронологическом порядке.

Проникновение Дальнего Востока, прежде всего Японии, в русское сознание шло во второй половине XIX века через сферу культуры, а не политики. «Гейши» и «самураи» казались, скорее, изящными атрибутами быта, деталями экзотического интерьера, далекого от действительности. После японско-китайской войны пришлось призадуматься и политикам, хотя о реальной опасности Дальнего Востока для европейских держав Соловьев предупреждал уже в 1890 году («Китай и Европа»). Но если раньше он склонен был видеть в вестернизирующейся Японии потенциального союзника христианской Европы, то теперь философу пришлось признать полную несостоятельность своих предсказаний. Мистический ужас «Панмонголизма» (1894) сменяется эсхатологическим прогнозом «Краткой повести об антихристе» (1899—1900), прямо называющей Японию вождем военной и культурной экспансии объединенной Азии³. Брюсов во второй половине 90-х годов — усердный читатель Соловьева, хотя далеко не во всем с ним согласный, и «Краткая повесть», конечно, не прошла мимо его внимания.

Уже после вмешательства европейских армий написал Брюсов свою «Солдатскую» (1902) — мастерскую стилизацию молодецкой и неизбежно хвастливой строевой песни, пугавшей советскую цензуру во все периоды отношений с Китаем.

Япония вошла в сферу интересов русских политиков и публицистов лишь тогда, когда прямое столкновение с ней стало неизбежным. Парадоксально, но именно война вызвала в России небывалый всплеск интереса к Японии и японской культуре как на уровне серьезного изучения, так и на уровне салонной моды, которую в качестве характерной приметы времени запечатлел в «Петербурге» Андрей Белый. В разгар японофобской кампании в прессе Брюсов вместе с издателем С. Поляковым составил и выпустил два «японских» номера «Весов» (1904, № 10, 11), сформулировав там свое кредо: «„Весы“ должны во дни, когда разожглись политические страсти, с мужеством беспристрастия исповедать свое преклонение перед японским рисунком. Дело „Весов“ — руководить вкусом публики, а не потворствовать ее инстинктам»⁴.

События войны неизбежно оживили в памяти прогнозы Соловьева. Популярный справочник издательства Брокгауз-Ефрон писал в те дни: «Ныне эта идея панмонголизма начинает переходить из области мечтаний на почву практической политики. Опасность, которую предвидел Вл. Соловьев, становится все более близкой и грозной. Япония смело выступает вперед и решительно берет на себя миссию возрождения и объединения народов Азии для будущей „мировой борьбы“»⁵. Брюсов еще до начала конфликта видел в Дальнем Востоке главное направление русского проникновения, выразив эту идею в стихотворении «К Тихому океану» (27 января 1904), которое идеолог русского империализма П. Струве справедливо назвал «поэтической жемчужиной патриотической мечты»⁶. Эйфорию первых месяцев сменило жестокое разочарование после Ляояна и предательской сдачи Порт-Артура, но от идеи исключительности исторической миссии России на Дальнем Востоке и — шире — на Тихом океане Брюсов и не думал отказываться. Только

³ См. подробнее в моих работах: Концепция двух Востоков и русская литература Серебряного века. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1990, № 6; «Восток Ксеркса». Япония в философии истории Вл. Соловьева и А. Белого. «Проблемы Дальнего Востока», 1991, № 1.

⁴ Литературное наследство, т. 85, с. 276.

⁵ Япония и ее обитатели. СПб., 1904, с. 361.

⁶ Струве П. Наше «бездарное» время. «Полярная звезда», 1906, № 14, с. 225.

под этим углом зрения становится понятным все написанное им о войне и во время войны,

К ее началу у Брюсова уже был опыт политической публицистики — писание регулярных обзоров для «Нового пути». Впрочем, сотрудничество «не задалось» сразу: Мережковские не терпели разногласий в материалах, появлявшихся на страницах их журнала. Преследовала журнал и «внешняя» цензура, особенно духовная. Страдавший от двухстороннего гнета, Брюсов поместил в журнале всего пять статей (1903, № 1—3, 5, 8); еще несколько так и остались неизданными. Проблем Востока он на страницах «Нового пути» не касался, что позволяет в данной работе обойти эти тексты стороной, но несколько не уменьшает важности и актуальности затронутых в них проблем, включая роль папства в политической жизни или национально-территориальный вопрос на Балканах. Замечу лишь, что именно эти обзоры сформировали образ Брюсова как националиста и консерватора — именно так трактовал их типичный либерал С. Венгеров уже в первой энциклопедической статье о поэте (Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. Т. 1, доп. СПб., 1905). Сам Брюсов не любил позднее вспоминать об этой стороне своего сотрудничества в «Новом пути», омраченного конфликтами с Мережковскими и отчасти с издателем П. Перцовым, что выразилось в нескольких горьких и раздраженных письмах к ним.

Но вернемся к Японии. В анонимной рецензии на апрельский номер «Вестника Европы» за 1904 год, атрибутированной Брюсову К. Азадовским и Д. Максимовым⁷, говорилось: «Великие события, переживаемые нами, объединили в одном общем чувстве всю Россию. Русским людям всех направлений понятно, что ставка идущей теперь борьбы — будущее России. Ее мировое положение, вместе с тем судьба наших национальных идеалов, а с ними родного искусства и родного языка зависят от того, будет ли она в XX веке владычицей Азии и Тихого океана. Каковы бы ни были личные симпатии того или другого из нас к даровитому народцу восточных островитян и их искусству, эти симпатии не могут не потонуть в нашей любви к России, в нашей вере в ее назначение на Земле»⁸. А в доверительном письме Перцову от 19 марта 1904 года он выразился с максимальной откровенностью: «Ах, война! Наше бездействие выводит меня из себя. Давно нам пора бомбардировать Токио... Я люблю японское искусство. Я с детства мечтаю увидеть эти причудливейшие японские храмы, музеи с вещами Кионаги, Оутомара, Йейши, Тойкуны, Хирошимы (Хиросигэ? — В. М.), Хокусаи и всех, всех их, так странно звучащих для арийского уха. Но пусть русские ядра дробят эти храмы, эти музеи и самих художников, если они там еще существуют. Пусть вся Япония обратится в мертвую Элладу, в руины лучшего и великого прошлого,— а я за варваров, я за гуннов, я за русских! Россия *должна* владычествовать на Дальнем Востоке. Великий Океан — наше озеро, и ради этого «долга» ничто все Японии, будь их десяток! Будущее принадлежит нам, и что перед этим не то что всемирным, а космическим будущим — все Хокусаи и Оутомара вместе взятые»⁹. Комментарий, кажется, излишни. Конечно, на войне как на войне, но Брюсов отдаст должное противнику, причем не только его храбрости и мужеству, но значимости и оправданности его исторической миссии. Об этом говорят и стихи, которые сам поэт не опубликовал, а позднейшие исследователи почему-то полностью обошли вниманием:

То в этой распре роковое,
То выше брэнной жажды слав,
Что нет греха на слитых в бое:
Мы правы — и противник прав.

⁷ Литературное наследство, т. 85, с. 275.

⁸ «Весы», 1904, № 4, с. 73.

⁹ «Печать и революция», 1926, № 7, с. 42.

Свершая воли роковые,
Их труд подъяв на рамена,
Не может уступать Россия —
Торжествовать она должна!

А ты, народ иного Рока,
Ты, ветхих стран передовой,
Ты, встав бойцом за жизнь Востока,
Лишь выполняешь подвиг твой!

Но все же, пав в борьбе упорной,
Весь мир напрасно обагря.
Запомни, смелый: не позорно
Пасть от руки богатыря.

Август 1904¹⁰

В августе Брюсов был еще полностью уверен в скорой победе России. Впоследствии он публично признал свою неправоту, исключив «К Тихому океану» из собрания стихов «Пути и перепутья», но вне зависимости от оправданности или неоправданности конкретного прогноза принципиально важен сам взгляд на историю как на борьбу, где нет «правых» и «виноватых», а есть только «два начала», которые бьются не на жизнь, а на смерть и в схватке которых каждый должен сделать свой единственный и окончательный выбор.

После сдачи Порт-Артура Брюсов писал Перцову: «Кажется мне, Русь со дня битвы на Калке не переживала ничего более тягостного... Победа, настоящая победа нужна нам не столько по военным, даже не по психологическим, а по почти мистическим причинам»¹¹. Этими же мыслями полна и статья «Метерлинк-утешитель (о «желтой опасности»)», написанная в горестные дни ляоянских боев и так и не увидевшая света в первоначальном варианте¹².

Прогноз пятилетней давности подтвердился. Англия столкнула Японию с Россией, втянув две державы в изнурительную и губительную для обеих стран войну. Брюсов упрекал Метерлинка за его легкомысленные заявления о неактуальности «желтой опасности», но, не ограничиваясь этим, смотрел гораздо дальше. Одним из первых в России он четко указал на неестественность союза Англии (главного в ту пору бастиона атлантизма) и евразийски ориентированной Японии. «Союз Англии с Японией — искусственный и случайный. Англия готова ссужать деньги, чтобы помочь в борьбе со своей вековой соперницей, но, конечно, англичане первые откажутся признать желтокожих одинаковыми с собой существами. Англичане в своих восточных колониях никогда не садятся за один стол с туземцами, будь то и японцы». Разрыв англо-японского союза, а затем вторая мировая война подтвердили и этот прогноз. Прагматик Брюсов так и не увидел в Японии геополитического союзника России, но и не считал ее роковым мистическим врагом, в отличие от Соловьева или Белого.

Военное поражение после Цусимы наложило на революционные волнения, распространявшиеся по России после Кровавого воскресенья. Разочарование в действиях правящей верхушки стало катализатором стремительной брюсовской революционности, столь превратно истолкованной в «благонамеренной» советской науке. Однако уже вскоре после смерти Брюсова Г. Лелевич, верно отмечавший у поэта «огромное мировое значение войны» и, более того, ее «почти мистическое значение» (впрочем, от осторожного «почти» сегодня можно и отказаться), прямо говорит о «пути Брюсова к революции через военные иллюзии»¹³. Негодование обманутого в своих надеждах империалиста автор увидел, но на-

¹⁰ «Наш современник», 1993, № 3 (публикация В. Молодякова).

¹¹ «Знамя», 1940, № 3, с. 254—255.

¹² «Библиография», 1993, № 2 (публикация В. Молодякова).

¹³ Лелевич Г. В. Я. Брюсов. М.-Л., 1926, с. 113—117.

звать это основой революционности поэта прямо не решился. А между тем Брюсов, соглашаясь «ломать» вместе с социал-демократами, в «строительстве» решительно отмежевался от них (стихотворения «К близким», «Цепи», «Книга пророчеств»; полемическая статья против Ленина «Свобода слова») и вышел из испытаний войны и революции, только закалив и укрепив, но ничуть не изменив свое имперское сознание. Первый «восточный» круг был пройден, но мысли об исторической миссии России вкупе с воспоминаниями о Мукдене и Цусиме по-прежнему часты в его лирике и в последующие годы («Служителю муз», «Наш демон», «К моей стране» и другие). В следующее десятилетие в рамках проблемы России и Востока на первый план для Брюсова выступают Турция и связанный с ней мир ислама.

Интенсивная литературно-журнальная работа и насыщенная личная жизнь второй половины 1900-х годов временно увели Брюсова от «конкретной» политики. Как действующий политический поэт он снова заявил о себе в 1910—1911 годах, став заведующим литературным отделом «Русской мысли» и сблизившись с ее издателем П. Струве, правоверным идеологом русского империализма. Отношения их не во всем складывались гладко, но о несомненном взаимопонимании в глобальных вопросах свидетельствует хотя бы эта цитата из письма Брюсова от 16 апреля 1911 года: «Вы знаете, что я (хотя и не вникаю особенно тщательно в вопросы государственные и политические) стою приблизительно на тех же позициях, какие защищаете Вы. Поэтому меня очень интересует, что будут говорить Ваши критики («слева», конечно) и как будут они опровергать то, что мне кажется совершенно явным и неопровержимым»¹⁴. Публикатор письма А. Михайлова выразила дежурное сомнение в брюсовской искренности, хотя о признании Брюсовым своего единства со Струве свидетельствовал и В. Ходасевич, приводя его слова: «В качестве одного из редакторов «Русской мысли» я в политических вопросах во всем согласен с Петром Бернгардовичем(Струве)»¹⁵. Думаю, оснований сомневаться в искренности Брюсова нет. Уже первый его геополитический манифест этого периода — стихотворение «Проснувшийся Восток» (1911) — явственно перекликается с идеями Струве и открывает новый этап духовной и интеллектуальной эволюции поэта.

Известно, что политические воззрения Брюсова формировались не без влияния идей А. Хомякова и И. Киреевского (с творчеством которых связано зарождение русской геополитики как научной дисциплины). Под влиянием ортодоксально-славянофильской традиции Брюсов считал мир ислама непримиримым врагом христианской цивилизации, а значит, и России. Его евразийская мысль откладывалась вместить в свою полноту Турцию — совсем в духе Тютчева. Отдавая дань панславистским идеям, он уже в ранних стихах призывал времена, когда «славянский стяг зареет над Царьградом» («Проблеск», 1900), а после убийства русского консула в Битолии в июле 1903 года, что едва не привело к разрыву отношений и войне, начал стихотворение «Июль 1903» словами «Да, пробил последний, двенадцатый час». В письме к Перцову события комментировались так: «А какие события на Балканах! Какие темы для политик (т. е. политических обозрений для «Нового пути». — В. М.)!! Я же написал пока только стихи в духе Тютчева»¹⁶.

Брюсов придавал частному, в общем-то, инциденту глобальное значение, предвидя неизбежность военного конфликта — не сейчас, так в обозримом будущем. Еще в мартовском номере «Нового пути» он опубликовал явно антитурецкую «политику» «Разрешение македонского вопроса», а в уже упоминавшейся статье «Метерлинк-утешитель» писал: «Македонские зверста каждый год напоминают нам, что [христианское]¹⁷ поражение при Варне еще не отомщено». Взгляд Брюсова на балканские проблемы требует отдельного (и необходимого в наши дни) исследования, а здесь достаточно указания на его традиционно-пан-

¹⁴ «Литературный архив. 5». М.-Л., 1960, с. 339.

¹⁵ Х о д а с е в и ч В. Колблемый треножник. М., 1990, с. 290.

¹⁶ Литературное наследство. Т. 27/28. М., 1937, с. 294.

¹⁷ Зачеркнуто Брюсовым в белой рукописи.

славистскую ориентацию, которая в результате приведет его к атлантистским иллюзиям 1914 года.

Известно, что рубеж 1900—1910-х годов был отмечен ростом национальной и социальной активности в странах Ближнего Востока и Центральной Азии, причем политическое движение в регионе приобретало все более этнократический и антиевропейский характер. Ленин метко назвал этот процесс «пробуждением Азии», что удивительно перекликается с брюсовской формулой «проснувшегося Востока». Младотурецкая и младоперсидская революции и новая волна антиколониальных выступлений были для Брюсова не просто показателем роста национального сознания и освободительной борьбой как его следствия. Он увидел в них прежде всего новый этап «состязанья мирового», попытку реванша со стороны Азии. И. Поступальский справедливо сближал брюсовские воззрения этих лет с соловьевским «панмонголизмом», хотя Соловьев после поражения Турции в 1877 году не считал мусульманский мир серьезной угрозой ни Европе, ни России. Брюсов вынужден был считаться с изменившимися обстоятельствами и в изменившейся (для многих — весьма неожиданно) обстановке сумел сделать вполне правильные выводы:

Не гул ли сумрачной Цусимы
Сон древней грезы разбудил?

«Брюсов в «Зеркале теней» открыто возвращается к своей роли гражданского и политического поэта»¹⁸. Примечательно, что уже в 1909 году он обращается к рукописи «Метерлинка-утешителя», но время обнародовать эти заветные размышления еще не пришло. Однако именно тогда он находит формулу «мировое состязание» применительно к пробуждению не только Азии, но и России, что особенно сказалось в стихотворениях «Зеркала теней».

Мира с Турцией Брюсов не приемлет решительно: «Нам слишком поздно или рано мечтать о мире». Он готов признать относительную правду и даже равенство противников, как и в годы войны с Японией («Мы вскормлены у разных грудей, Единой матери сыны»), он говорит об обоюдной вине в том, что «розни сумрак,— неизменно,— С веками все густел и рос». Но никаких компромиссов! По сути, он зовет всех христиан в новый крестовый поход. Это уже предвестье воинственных деклараций первых месяцев мировой войны:

И что же! священный союз
Ты видишь, надменный германец?
Не с нами ль свободный француз?
Не с нами ль свободный британец?

(«Старый вопрос»)

Евразиец Брюсов, по крайней мере до 1917 года, не переставал ощущать себя прежде всего европейцем, но в праве быть европейцами туркам решительно отказывал. Евразийство Брюсова тяготело к европоцентричности, в отличие от Леонтьева, с которым у него, впрочем, было не меньше сходства, чем различия. Но Леонтьев решительно отвергал панславизм как вредную утопию и искренне любовался дряхлеющей Блистательной Портой, стараясь видеть в ней если и не союзника, то, по крайней мере, не врага. В его туркофильстве не меньше эстетизма, чем в туркофобстве Брюсова, и это «подводное течение», естественно, сближает их.

Война славянских государств с Турцией (первая балканская) была воспринята многими как начало мировой и — шире — как начало «новой эпохи во всемирной истории». Именно так озаглавлена посвященная итогам войны статья Брюсова в «Русской мысли» (1913, № 6). Замечателен тот факт, что почти половина ее —

¹⁸ Поступальский И. Поэзия Валерия Брюсова. Брюсов В. Избранные стихи. М.-Л., 1933, с. 64.

лишь немного переделанные страницы знакомого нам «Метерлинка-утешителя», положения которого наконец-то дождался своего часа и оказались необходимыми для понимания последних событий. Брюсов попытался и эту войну осмыслить во всемирно-историческом масштабе, опираясь на свои заветные мысли о том, что технический прогресс связал весь мир воедино; что всемирную историю больше нельзя сводить к истории одной только Европы, как это делалось в XVIII, а порой еще и в XIX веке; что у европейцев нет никаких оснований считать себя историческим или географическим центром мира. Автор фактически полностью сохранил свои теоретические построения и экскурсы в мировую историю, которые составили почти целиком вторую, третью и четвертую главки статьи. Но повод и условия написания были совершенно иными. Брюсов не просто «перелицевал» к случаю завалывшийся в архиве текст, но как рачительный хозяин использовал старые заголовки для написания совершенно самостоятельной работы. Новая «злободневность» касалась Турции, и именно о ней пойдет речь.

Итог войны, по Брюсову, таков: «Господству турок в Европе пришел конец (...). Значение Турции как европейской державы отныне может считаться уничтоженным»¹⁹. Но автор придает войне не только сиюминутно-политическое, но и глобальное значение и видит в ней не спор из-за клочка земли, а «очередную главу в истории изгнания турок из Европы»²⁰. Однако ни о каком славянском единстве в статье Брюсова нет и речи. Он, скорее, «паневропеист» и поэтому не только убирает из старого текста все антианглийские выпады, но старается не касаться и Германии. Он говорит о «Европе для европейцев», однозначно противопоставляя монолитной Европе столь же монолитный Восток, «Восток Ксеркса», по терминологии Соловьева. «Гул японских побед пронесся далеко по Азии, всколыхнул не только Китай, но даже, казалось бы, чуждую Индию, нашел свой отголосок и в странах ислама, почувствовавших, что борьба идет с общим врагом»²¹. Однако Брюсов не ограничивается явно обозначившимся врагом и тем более далек от эйфории по поводу христианских побед. Как бы вступая в спор с самим собой, он предупреждает и о том, что опасность не только не миновала, но «придет час, когда ислам встанет на защиту своей религии и своей культуры, на борьбу с христианской Европой, притязающей быть самодержцем на земном шаре»²². Вывод таков: «Панмонголизм и панисламизм — вот две вполне реальные силы, с которыми Европе скоро придется считаться. Третья такая сила должна зародиться в черной Африке»²³. Это необходимый эпилог к эсхатологическим построениям Соловьева. Брюсов дорисовывает картину до конца.

Примечательно, что в статье он пользуется собственными определениями из «Проснувшегося Востока»: «В опасности окажутся наши лучшие достояния; и Шекспир, и Рафаэль, и Платон, которых захотят заменить стихами Саади, картинами Утомаро, мудростью Конфуция»²⁴. Невообразимый восточный пантеон становится символом всего антиевропейского, а «передовым ветхих стран» на сей раз оказывается Турция.

Туркофобия Брюсова вполне традиционна для русского сознания славянофильской ориентации, тем более что настоящей Турции он не знал. И здесь он явно уступает прагматику Струве, хотя их выступления снова звучат в унисон. Опубликованная в той же «Русской мысли» на полгода раньше (1912, № 12) статья последнего «Балканский кризис и исторические задачи России» до предела конкретна и насыщена четкими формулировками. «Победа христиан на Ближнем Востоке есть торжество России, быть может, завершение одной из ее великих исторических задач (...). На Балканах теперь творится и решается русское дело»²⁵.

¹⁹ «Русская мысль», 1913, № 6, с. 94.

²⁰ Там же, с. 103.

²¹ Там же, с. 101.

²² Там же, с. 104.

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 105.

²⁵ «Русская мысль», 1912, № 12, с. 156.

Однако Струве далек от иллюзий паневропеизма: «Это было великое дело России, которое она осуществляла в борьбе на два фронта: с мусульманским Востоком в лице Турции и *затем* с христианским Западом, ставшим на сторону мусульман»²⁶. Он не собирается извлекать из войны всемирно-исторические уроки, а лишь рассматривает ее результаты применительно к интересам России. Вывод его, однако, не менее важен и существен: «Для новой России есть только один путь — открытого, смело либерального и в то же время подлинно консервативного империализма. Вне этого пути — лишь умаление и распадение государства»²⁷. Вывод вполне в духе Брюсова, что в свое время справедливо отметил О. Цехновицер²⁸. Но сторонники подобной позиции остались в меньшинстве — и в политике, и в литературе. Иллюзии паневропеизма, а затем и панславизма развеяла только мировая война.

Деятельность Брюсова в первый военный год также требует отдельного исследования и в первую очередь комментированного переиздания всех его военных корреспонденций, запланированного самим автором в 1915—1916 годах. Более чем полгода работы на фронте, виденном и с передовой, а не только из штаба или окна отеля, закончились новым разочарованием в правительстве и командовании, в союзниках, а под конец и в самой войне. Представление об очистительной грозе «последней войны» сменилось тягостным зрелищем позиционной войны и бессмысленных смертей. «Здесь пишет не поэт — здесь плачет гражданин», — мог бы повторить Брюсов вслед за М. Милоновым, но война всколыхнула в нем и поэта, переживавшего в ту пору определенный творческий кризис. Военные стихи Брюсова были объектом постоянных нападок советской критики 20—30-х годов как воспевание «империалистической войны», в которой полагалось «желать поражения своему правительству». Но в годы Великой Отечественной они зазвучали совершенно по-новому, поэтому вполне естественно было их переиздание в серии «Писатели — патриоты великой Родины» (М., 1943).

Первый военный год стал и завершением поэтической «турецкой кампании» Брюсова. От геополитической публицистики он переходит к военным корреспонденциям, а в стихах обобщения все чаще сменяются зарисовками. Антитурецкая трилогия марта 1915 года («Туркам», «Отрывок», «На бомбардировку Дарданелл») отразила разные грани творчества поэта в связи с одним и тем же событием — обстрелом Стамбула союзным флотом. Об этих стихотворениях следует сказать особо, тем более что они не попали ни в одно из посмертных изданий, в отличие, скажем, от «Проснувшегося Востока», буквально «проскользнувшего» в сборник 1945 года.

Первое стихотворение — жесткая декларация необходимости и неизбежности русского владычества на Черном море. «Оно должно остаться нашим», — бескомпромиссно провозглашает Брюсов. В формальном плане стихотворение явно продолжает одическую традицию как наиболее подходящую к случаю: «От финских хладных скал до пламенной Колхиды». Обращаю на это внимание не случайно — в третьем стихотворении он избрет совершенно противоположную установку.

Второе замечательно главным образом демонстративным эпитафием из Шиллера. Гнев и презрение к «тевтонским варварам», разрушителям городов и храмов, никогда не обращались у Брюсова на немецкую культуру. Ее высшие достижения важнейшей частью входили во всеевропейский пантеон, который поэт собирался защищать от нашествия с Востока. О любви Брюсова к Германии (в чем, естественно, проявилась его евразийская ориентация) сказано немало. Не повторяясь, добавлю только, что в том же 1915 году он написал воспевающее Гете и его страну стихотворение «Во дни великого страдания...», не опубликованное

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. с. 160.

²⁸ Цехновицер О. Литература и мировая война 1914—1918. Л., 1938, с. 57.

при жизни (время не то!) и обойденное большинством посмертных изданий и исследований.

Заключительная часть триптиха заслуживает более подробного рассмотрения как с содержательной, так и с формальной точки зрения. Обстрел Стамбула породил надежду на его скорое взятие, и «звон царьградских колоколов» в который раз зазвучал в русской поэзии. А предание о Божественной Литургии, которая продолжается в затворенном алтаре Святой Софии и завершится с изгнанием мусульман из Константинополя, вспомнили почти в один и тот же день Брюсов

И священник, кончая строгий чин Литургии,
Что четыре столетия назад прервана,
Возгласит на амвоне призыванья святые,
И ответит толпа, коленопреклонена...

(март, вероятно, 11—12)

и Вячеслав Иванов

Расступились древле чудом стены
В богозданном храме Византии;
С Чашею священник и с Дарами
В них вошел и скрылся от неверных.

Отпуска старинной Литургии
Ждут, сменяясь, православных роды.
Расступитесь, каменные плены!
Ты земле явись, Потир Софии!..

(«Чаша Святой Софии», 11 марта 1915)

Обоим поэтам, конечно, вспомнилось «Пророчество» Тютчева, надолго определившее «царьградскую» тему в русской поэзии:

И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь.

Позиции Брюсова и Иванова — друзей в жизни и антагонистов в литературе — практически совпали, хотя для Иванова на первом месте стояла религиозная идея, а для Брюсова — имперская.

Форма брюсовского стихотворения вызвала в памяти многих «поэзы» Игоря Северянина и породила иронические отклики как не соответствующая важности темы. Ритмы «поэзоконцерта» в самом деле мало подходят для отклика на события подобного масштаба, но излишне говорить, что Северянин ничего подобного по тематике и настроению не написал и вряд ли мог написать в силу особенностей своего творчества.

Эта маленькая трилогия, вошедшая в сборник «Семь цветов радуги», по существу, завершает тему России и Востока в геополитической и историософской мысли Брюсова. В последующие годы акцент однозначно переносится на Россию, на осмысление существования империи в новом качестве — после разрыва с союзниками, выхода из войны, двух революций и всего последовавшего за ними. По верному замечанию Лелевича, «горькое разочарование в войне оттолкнуло Брюсова от кругов, господствовавших при Временном правительстве»²⁹, однако идеи революционного оборончества некоторое время владели им и нашли свое отражение в брошюре «Как прекратить войну?» (М., 1917), направленной против сепаратного мира. Неприятие большевистского

²⁹ Лелевич Г. Указ. соч., с. 167.

режима как «бесовщины» засвидетельствовано стихами января 1918 года, но вскоре оно сменяется осознанным компромиссом с теми, в ком он видел единственную силу, способную сохранить геополитическую целостность империи от распада. Отношение Брюсова к новой власти — чисто империалистическое, как к временному союзнику, ограниченность и ущербность программы которого он показал еще в статье «О новом русском гимне» (апрель 1917). Ни на секунду не обольщаясь, он изначально сблизился с проевразийским крылом большевизма (Ленин) — в противовес проатлантической группировке Троцкого, отношения с которым свелись к молчаливому, но жесткому противостоянию. Именно с евразийских позиций славил Брюсов создание ЗСФСР и СССР, прозревая историческое значение подобных объединительных процессов.

© В. Молодяков, 1994